

СУМРАЧНАЯ АНТОЛОГИЯ

Дея Нира

Дея Нира

Сумрачная Антология

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69196789

SelfPub; 2024

Аннотация

Если вам по душе истории о призраках, мертвецах, ведьмах и чудовищах, то этот сборник для вас! В него вошли рассказы и повести: «Невесты сумрака», «Тихие шорохи», «Голос темноты», «Дорога через темный лес», «Чучело: охотничий трофей», «Дом у торфяного болота», «Холм повешенной ведьмы» и «Призраки зазеркалья». Дождитесь наступления ночи, отпустите воображение и погрузитесь в сумрачную атмосферу мистических событий.

Содержание

НЕВЕСТЫ СУМРАКА	5
ТИХИЕ ШОРОХИ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дея Нира

Сумрачная Антология

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Дорогие читатели!

Перед вами сборник мистических рассказов и повестей. Если вы любите пощекотать себе нервы, то эта книга для вас.

На этих страницах пробуждаются призраки, увлекающие в свои смертельные объятия, в темноте подстерегают злоеущие создания, а под покровом ночи крадутся невиданные чудовища. Вы попадете в сибирские и карельские леса, чтобы прикоснуться к языческому очарованию тех мест. Отправитесь в путешествие через густые заросли, пока не найдете заброшенный лесной домик. Столкнетесь с проявлением потусторонних сил, когда перенесетесь в старинные особняки, хранящие свои мрачные тайны.

Желаю увлекательного чтения!

НЕВЕСТЫ СУМРАКА

По узкой тропинке, петляющей среди зеленых холмов, шел усталый путник с мешком за спиной.

Его стоптанные башмаки и край плаща покрылись серой пылью, а ноги нестерпимо болели от долгой дороги. День клонился к закату, и небо окрасилось багрово-желтым цветом, пламенея на горизонте. Юноша, собирая последние силы, вглядывался в сумрачную дымку перед собой.

Настороженный взгляд искал место для ночлега.

Осенний вечер всюду дышал прохладой, а грозовые облака вдалеке вызвали чувство беспокойства. Путник не хотел остаться на пустынной дороге в одиночестве, где с наступлением темноты на него могли напасть разбойники. У него нечего было красть, кроме собственной жизни, и он исполнился решимости добраться в город невредимым.

Там, за густым лесом и пшеничными полями, его ждала нареченная. Стоило подумать о ней, как изможденное лицо осветила произвольная улыбка, а глаза под надвинутой на лоб шляпой ярко заблестели.

Как, должно быть, она волнуется, сидя у окна своего дома, и смотрит на улицу в ожидании. И как, должно быть, удивится, увидев его пешком. Улыбка юноши немного потускнела. Судьбе было угодно сделать его нищим, превратив чуть ли не в последнего оборванца именно тогда, когда он нашел свое счастье.

Он стыдился своего положения и не знал, как рассказать

возлюбленной о постигшем его крахе. Но рассуждал так: он откроет ей всю правду, и пусть ее милость станет для него утешением. Если их чувства крепки, то они выдержат подобные испытания.

С такими мыслями путник свернул с утоптанной тропинки и направился к лесной роще, где намеревался расположиться на ночлег и отдых. Становилось все холоднее, и с потрескавшихся губ вырывались облачка пара.

Юноша, поеживаясь, плотнее завернулся в плащ и порадовался тому, что прихватил с собой спички. Его мучали голод и жажда, но и муки холода казались теперь все более нестерпимыми.

Наползающая на землю ночь вытесняла угасающий свет, и вскоре, когда на горизонте померкли последние солнечные лучи, роща погрузилась в темноту.

Путник понимал, что слишком близко к дороге костер лучше не разводить, чтобы яркий огонь не привлек посторонних, а потому забрался в лесную чащу подальше. Он едва успел собрать сухих веток и наломать их для костра. И вот уже вскоре, довольный собой, потирал руки у жаркого огня, устроившись под раскидистым кленом.

Промозглый холод уже не тревожил столь сильно, а потому свое внимание путник обратил на содержимое мешка. Он достал оттуда завернутый в камчатую ткань кусочек хлеба и с наслаждением поел, допивая остатки вина из бутылки. Тепло от костра и выпитое вино успокаивали, а все горести

казались преодолимыми.

Он долго смотрел на танцующие языки пламени, раздувая над сложившимся положением.

Лес вокруг казался погруженным в тихую дрему. Стволы деревьев поскрипывали, когда ветер яростно налетал на густые кроны и раскачивал их. Изредка доносилось отрывистое уханье, и внезапно, словно бесшумный ночной призрак, в полумраке проносилась сова.

Привлеченные светом пламени, вокруг порхали ночные бабочки, не решаясь, впрочем, подлетать слишком близко. Вероятно, чувствовали свою возможную гибель от этого прекрасного огненного цветка, что так манил их.

Веки сидящего у костра человека наливались тяжестью. Он прислонился спиной к широкому стволу гостеприимного клена, роняющего красные листья, чтобы вдоволь выпастся. Найденных веток и сучьев было достаточно, чтобы поддерживать пламя костра до самого рассвета.

Но тут сквозь равномерное потрескивание огня путнику что-то послышалось.

Он открыл глаза и посмотрел по сторонам, надеясь найти источник внезапно возникшего звука. Но вокруг все казалось прежним: и близко подступающие деревья, и пляшущие тени не таили в себе угрозы.

Он принялся напрягать слух и даже встал на ноги, чтобы как следует вслушаться в ночь.

И правда!

Где-то раздавалась легкая, едва различимая мелодия. В ней чудилось и журчание воды в ручье, и звон веселых колокольчиков, и нежное пение. Мелодия менялась, становясь то громче, то тише. Сон как рукой сняло. Кто же поет в ночном лесу таким прекрасным голосом?

Юноша бросил вещи у костра и медленно двинулся в ту сторону, откуда доносились волшебные звуки. Из-за туч выглянул молодой месяц, белый и блестящий, словно полированное серебро.

Путник решил, что это хороший знак, и сам Бог благоволит ему.

Он нащупал под рубашкой маленький железный крестик, что подарила ему возлюбленная перед прощанием, и пылко прижал его к губам. Ободренный расположением небес, путник пошел вперед, углубляясь в лес. Свет от месяца тускло озарял деревья и заросли орешника голубоватым мерцанием.

Пение становилось все ближе.

Путник оставил рощу позади и вышел к небольшой поляне, где увидел спящее озеро, похожее на опрокинутое зеркало. На черной поверхности дрожала длинная серебристая дорожка, а буйный камыш шуршал вдоль крутого берега.

Гибкие и тонкие стебли колыхались от порывов неугомонного ветра. Пахло сладким клевером и медом. Путник остановился в изумлении, не понимая, откуда веет этим душистым ароматом.

Он пристально смотрел на чернеющую перед ним громаду вздыхающего леса, который в тот миг показался живым существом. Мелодия неслась оттуда и точно звала его.

И он послушно пошел туда твердой поступью, отодвигая от себя мохнатые и колючие лапы елей, чтобы пробраться дальше в лес. Под ногами слышался хруст опавших еловых шишек, иголок и веточек. Эти звуки отвлекали от волшебного пения, и юноша старался идти как можно тише.

Деревья внезапно расступились перед ним и он оказался на круглой лужайке, ярко освещенной холодным сиянием месяца.

С самого края лужайки, между редких деревьев он разглядел маленькие темные холмики и понял, что попал на какое-то местное кладбище. Из могил торчали деревянные кресты. Некоторые из них накренились и готовы были упасть под собственной тяжестью.

Сперва путник нерешительно потоптался на месте, будто чувствуя неловкость.

Ему не хотелось тревожить безмятежный сон мертвых. И хотя на нем и пребывало благословение его возлюбленной, он все же верил в народные приметы.

Вспомнился шепот бабки, которая умерла давным-давно, но пока была жива, рассказывала ему сказки на ночь. Она предостерегала любого, кто окажется ночью у кладбищенских ворот, держаться от них подальше. Но вокруг было спокойно. И даже пение, что так влекло его, утихло и потеряло

свою силу.

Он подошел ближе к одной из могил и присмотрелся.

Ему подумалось, что неподалеку находится деревня, о которой он не знал. Земля была свежей и взрыхленной. Она еще не успела подернуться травой. И если прочие могилы поросли кустарником и покрылись россыпью осенних листьев, то эта казалась бы голой и одинокой, если бы не пышные букеты роз и скромных полевых цветов, бережно положенные сверху. От новенького креста шел сильный запах древесины. Юноша попытался прочесть имя мертвеца, и ему показалось, что это женское имя.

Что-то небольшое и яркое метнулось рядом с ним. Он успел заметить это стремительное движение, словно поблизости сверкнула крошечная молния. Путник растерянно оглянулся, ища источник света, но его взору явились лишь голубая лужайка и темно-синие могильные кресты.

Страх зашевелился в нем где-то глубоко внутри.

Что он делает здесь, посреди ночи, на этом полузаброшенном кладбище – последнем приюте ушедших в темноту?

Нет, нет. Пора выбираться отсюда!

Скорее к спасительному и живому огню, что согреет и убережет от беды. О чем он только думал, когда крался сюда под покровом ночной мглы?

Тут из-за листвы мелькнул крошечный огонек. Затем загорелся еще один... другой... третий! Что за огни там, за деревьями? Возможно, это свет в окне одного из деревенских

домов?

Путник попробовал представить добротный крестьянский дом, где можно получить стакан горячего молока и краюху хлеба, а может, и остаться ночевать на сеновале или в теплом хлеву. Деревенские не отказывают заблудившимся странникам в приюте. Это бы нарушило законы гостеприимства. Нет ничего дурного, чтобы попросить о столь нужном ему крове.

Ободренный этими размышлениями, он пошел навстречу огням. Свет был довольно яркий и становился все отчетливее. Значит, деревня совсем близко. Ему даже почудился где-то собачий лай и приглушенные голоса.

Так и есть! Он выпится перед дорогой и вскоре встретится со своей любимой.

Юноша ускорил шаг.

Могучие дубы вставали перед ним, словно грозные лесные стражи. Но он их не боялся. Он боялся лишь того, что может потерять огоньки из виду. Но разве слух и зрение обманывают его? Разве они когда-нибудь подводили?

Но тут какая-то странная мысль пронеслась у него.

Он стремится к этим огонькам точно так же, как те бабочки, летевшие на пламя костра. Внезапный озноб охватил его целиком, и он чуть не застонал. Месяц на чернильном небе светил уже не чистым блеском. Его серебристый рог подернулся сизой дымкой, отчего сияние стало меркнуть.

Темнота сгущалась, а лес становился все более дремучим.

Будто деревья вставали рядами перед ним, чтобы помешать ему. В лесной тиши раздавались лишь звуки шагов и сбивчивое дыхание. Никакого лая собак или человеческих голосов уже не слышалось.

Хотя нет. Еще один звук он слышал отчетливо.

Это было неистовое биение его сердца.

Огоньки, горевшие, словно один факел, вспыхнули и исчезли, будто их никогда и не было.

Он остановился, пораженный этим неожиданным коварством, всматриваясь в черноту ночи. Какое-то время путник стоял на одном месте, щурясь и неотрывно глядя туда, где только что ровным светом сияли желанные огоньки. Он так пристально и яростно вглядывался в ту сторону, что глаза заболели от напряжения.

Итак, он один посреди дремучего леса. Куда он забрался? Что за огни вели его сюда?

Страх, что сидел в нем глубоко маленьким комочком, стал разрастаться, заполняя его всего. Бабушкины сказки всплывали в воспаленном сознании и каждая легенда уже не казалась вымыслом. Ему нужно скорее вернуться назад!

Проклятые тучи будто издевались над ним и теперь наползали на месяц, желая спрятать его в своем прожорливом брюхе. Он сердился и на себя, что не взял дорожный мешок, где лежали драгоценные спички.

О, как он сожалел теперь о покинутом им ночлеге у костра! Не переставая себя корить, брел все дальше, натыкаясь

на шершавые стволы или получая удар за ударом от низко нависающих ветвей.

Долго ли блуждать здесь, в темноте и как скоро наступит долгожданный спасительный рассвет? Холод и страх гнали его вперед, несмотря на усталость.

Юноша снова вспомнил о прощальном подарке возлюбленной. Он выхватил его, чтобы произнести слова молитвы, и осыпал горячими поцелуями. И когда казалось, что надежда исчезла, месяц вновь вернулся на свое место и засиял пуще прежнего ровным белым блеском.

Путник возликовал и увидел перед собой за деревьями знакомую лужайку с крестами. Значит, он шел верно! Видно, само провидение бережет его!

Это придало ему сил.

Он выбрался из леса, но тут же замер как вкопанный.

Посреди лужайки, рядом с одной из поросших травой могил, застыла белая фигура.

Молочный свет от месяца потоком изливался на нее, образуя светящийся голубоватый отблеск. Неясный силуэт фигуры чуть дрожал, словно ее с ног до головы покрывала белая вуаль. Судя по изящным очертаниям, это была женская фигура.

Юноша пришел в себя и тихонько окликнул неизвестную.

Как она оказалась здесь, в ночной тиши, на кладбище? Может, это родственница усопшего? И сейчас она скорбит здесь в одиночестве и вовсе не желает присутствия посто-

ронного?

Видимо, девушка не услышала ничего, задумчиво и молчаливо созерцая могилу. Незнакомка стояла спиной к нему и никак не давала знать, что желает разговаривать. Она целиком погрузилась в свое горе, и весь ее печальный вид свидетельствовал об этом.

Он не знал, как поступить. Было бы довольно учтиво посочувствовать бедняжке, но он никак не мог отыскать нужных слов. Наконец он решил пройти мимо, но оказать ей помощь, если она об этом попросит.

Девушка стояла, не шелохнувшись.

Подойдя ближе, он рассмотрел букет с цветами у нее в тоненьких хрупких руках, и удивился, настолько они показались ему прозрачными. Или это воображение и падающий искрящийся свет играют с ним дурную шутку? Маленькую голову украшал венок из белых роз. Он снова тихонько позвал ее, но девушка по-прежнему стояла, отвернувшись.

Незнакомка была одета в легкое подвенечное платье, и темные волосы струились у нее под фатой. И было еще что-то, вызывающее смущение у путника. Он увидел это, только когда оказался совсем рядом.

На ней не оказалось атласных туфельек или другие башмачков. Вместо этого там зияла пустота. Девушка будто парила над землей, касаясь платьем и фатой травы. Лиловый туман разливался тонкими струйками, оттеняя платье, делая его еще более невесомым.

Страшное открытие настигло юношу в тот же час, и он осторожно попятился, не сводя напряженного взгляда с неподвижной фигуры.

Как он мог быть таким глупцом!

И теперь отступал шаг за шагом, боясь потревожить стоявшую у могилы. Сине-фиолетовый свет сгущался вокруг, наполняясь вспышками белых искр.

Девушка пришла в движение и медленно обернулась, словно насмехаясь над его испугом. Ее тонкая рука с указательным пальцем неспешно поднялась и замерла.

Рука призрака показывала на него.

Ее пустой взгляд буравил его, а лицо казалось безжизненным. Он плохо разглядел черты лица, скрытого под фатой, но ему этого и не хотелось.

Путник ринулся в густые заросли, продираясь сквозь них. Нужно как можно скорее выбраться к тому клену, под которым нашел себе убежище и столь безрассудно его покинул.

Лесная стена расступилась перед ним, когда он, весь исцарапанный, задыхающийся, выбрался на берег озера. Оно оставалось таким же прекрасным и переливалось серебром. Но эта природная красота уже не восхищала его. Первобытный животный ужас гнал его бежать отсюда со всех ног.

Скорее! Прочь от старого кладбища и его призрака!

За рощей ждет спасительный клен, и пламя, возможно, еще теплится в костре. Так хотелось согреть озябшие руки и ноги! Страх снова вострепнулся в нем. Что, если призрак

найдет его и там?

Нет! Нужно поскорее выбираться из этого леса назад, на тропинку, где случается ходить простым людям вроде него. Быть может, там проедет повозка, и какой-нибудь добрый фермер позволит проделать остаток пути вместе с ним!

Впопыхах он не заметил в полумраке норку крота.

Ступня подвернулась, и юноша услышал не то легкий щелчок, не то хруст. С его губ сорвался сдавленный крик, и он свалился на землю, как подкошенный от вспыхнувшей резкой боли. Она отдалась во всем теле, словно в оголенный нерв ткнули острым ножом. Нога сразу стала тяжелой и неповоротливой.

Путник попытался пошевелиться и тут же застонал от новой вспышки боли. Она пригвоздила его к земле, заставляя лежать на холодных и чуть влажных листьях. От них шел едва слышный запах гнили.

Высоко среди верхушек деревьев расположился бледный месяц. Он улыбался лежавшему на земле человеку половинкой своего лица, рассматривая его, будто перед ним оказалось необычное существо. Черные кроны качались из стороны в сторону. Казалось, что лес дремлет и ему вовсе не до человеческих бед.

Юноша приподнялся на локтях.

Если он не может идти, он доползет до дороги. Тут осталось не так и далеко, чтобы сдать на милость природы. Сейчас она не радовала его, а лишь угнетала и отталкивала

своим холодным безразличием.

Листья шуршали под ним, и тонкая куртка вскоре стала мокрой. Плащ он откинул назад, чтобы тот не мешал ему ползти навстречу своему спасению.

Он полз, стараясь не обращать внимания на боль в ноге, сетуя на свою глупость и беспечность, пока перед ним не возникло что-то белое, воздушное и невесомое. Но от него повеяло такой ненавистью и непреодолимым ужасом, что путник закричал.

Мелкая дрожь сотрясла все тело, отчего он так и выгнулся дугой. Он приподнялся на дрожащих руках, чтобы лучше рассмотреть то, чего ему видеть вовсе не хотелось.

Вокруг над землей плавно покачивались белые тени.

Прямо на глазах они обретали плоть и кровь, превращаясь в прекрасных девушек. Свет, струившийся сверху, проникал сквозь них, отчего они казались объаты аурой голубого и сиреневого цвета.

На каждой было подвенечное платье, веночек из роз и легкая фата. Они смотрели на него, чуть склонив головы на тонких и длинных шеях, показывая на него прозрачными, как фарфор, пальчиками.

Он протягивал к ним руки и молил о помощи, показывая на сломанную ногу. Девушки безмолвно взирали на него, словно не понимая, чего он хочет. На их лицах так и не мелькнула ни одна улыбка, ни отблеск сочувствия. И тогда он понял, что они наблюдают за ним со странным чувством

жадного любопытства и отвращения.

На их лицах, прежде таких красивых, стали проявляться другие черты. Вместо чудесных глаз виднелись пустые глазницы, а вместо носов – черные провалы. Точеные скулы и розовые губы исчезли. Остались лишь черепа с оголенными зубами, которые скалились жестокой беспощадной ухмылкой. Фарфоровые пальчики и покатые плечи тоже пропали, явив торчащие кости.

Пот так и прошиб юношу.

Он припомнил одну страшную сказку, что поведала ему бабушка как-то перед сном. Девушки, что погибали от несчастной любви, никогда не обретали покоя. Будь то брошенная у алтаря невеста или жестоко обманутая сладкими речами поклонника наивная девушка.

Смерть отнимала у них разум, а ненависть к мужчинам наполняла их обреченные души, становясь единственной целью призрачного существования.

– Умоляю! – простонал он, все еще надеясь разжалобить их. – Пощадите! Прошу!

Над ним склонилась белая фигура. Женское лицо снова обрело свои черты. Но большие и темные глаза будто смотрели сквозь него без всякого выражения.

– Пощады! – прохрипел путник, пытаясь схватить пальцами край платья. Но все было тщетно. Пальцы проскальзывали сквозь голубую пелену клубящегося тумана.

Плотно сжатые губы девушки растянулись в улыбке.

Но это была не обычная живая и человеческая улыбка, от которой веет теплом. Эта девушка улыбалась так, что ему стало страшно, как никогда. И еще его пугала их молчаливость.

Если бы они бросали ему какие-то обвинения и говорили, как он им мерзок, он бы еще мог понять. Но они сгрудились вокруг плотным кольцом и просто смотрели на него, как он корчится от боли и ужаса, не произнося ни слова.

Девушка подняла хрупкую ручку и показала на него пальчиком. И в этот миг он почувствовал, как поднимается против своей воли.

– Нет! Нет! Прошу! – юноша закричал, изо всех сил хватаясь за ускользящую от него землю, но успел коснуться лишь опавших листьев.

Девушка все еще протягивала к нему руку, заставляя его выпрямиться и встать на ноги. Резкая боль вновь напомнила о себе. Он взвыл, беспомощно наблюдая за собственным телом, но ничего не мог поделать.

Девушки, стоявшие вокруг, чуть расступились, а затем их безжизненные рты изогнулись в какой-то дьявольской ухмылкой и неожиданно запели. Руки, что висели, как тонкие плети, взметнулись, чтобы хлопать в ладоши.

О, что это было за пение!

Если бы путник мог отвернуться или закрыть глаза, чтобы не видеть их жутких лиц, то подумал бы, что сами ангелы небесные спустились на землю, чтобы осчастливить его.

Нога горела, словно ее объяло адским пламенем.

От боли хотелось рыдать, но что-то заставляло переступать с ноги на ногу, танцуя для удовольствия беспощадных призраков. Их чистые и прекрасные голоса заставляли двигаться в такт музыке.

Они все ускоряли темп и пели все громче.

Устрашающая и прекрасная музыка проникала в него, выворачивая наизнанку, издеваясь и глумясь над ним. Он уже не мог ни умолять, ни просить. Все силы поглощал этот дикий, пугающий танец, который он был не в состоянии прекратить.

Девушки перестали хлопать в ладоши и взяли за руки, продолжая терзать его своей непреодолимой волей. Их пение околдовывало и лишало остатков рассудка. Юноша стал забывать, кто он и куда шел, кто ждал его в маленьком городке в конце оживленной дороги. А думал лишь о голосах, что настойчиво звучали в голове, заставляя двигаться без остановки.

Призраки, все так же держась за руки, двинулись по кругу вокруг него. Вначале медленно и неспешно, но вскоре пение стало более отрывистым и резким, и девушки ускорили шаг.

С каждым кругом они бежали все быстрее, закручивая его бесконечным вихрем.

Их белые платья слились в одну сплошную полосу, отчего несчастный принялся танцевать все стремительнее. Он задыхался: глотал воздух, но у него ничего не получалось.

Вовлеченный в этот адский хоровод, не мог прекратить его торопливый бег. Сердце грозило вот-вот выскочить из груди. Оно, словно маленький барабан, колотилось о ребра, принося еще большие страдания.

Доведенный до крайнего отчаяния путник издал тихий крик и свалился на землю, слабея, не в состоянии двигаться. Сильное головокружение сбilo его с ног, а мучительная слабость разлилась по всему телу.

Смерть казалась чудесным избавлением от ночного кошмара, что случился с ним.

И когда он погружался в спасительную темноту, ему не было страшно.

Юноша стремился к ней, желая забыться. Темный лес шелестел вокруг него, месяц светил опаловым сиянием, как и прежде, но он почти ничего этого уже не замечал.

И только перед тем, как последний вздох сорвался с его губ, над ним склонилось прелестное женское лицо под белоснежной вуалью, исполненное злорадного торжества.

ТИХИЕ ШОРОХИ

Вдоль берега широкого озера понурая кляча тащила телегу, груженую мешками.

В лесной тиши раздавался монотонный стук копыт по каменистой дороге, колеса скрипели и подпрыгивали, натываясь на разбросанные валуны. На телеге сидели мужчины: один держал вожжи, безразлично глядя перед собой, а второй, с изнуренным, покрасневшим лицом, прижимал к груди грязный узелок и беспокойно оглядывался по сторонам, будто чего-то опасался.

– Игнат, долго еще ехать? – хрипло спросил он у извозчика, поеживаясь. Отовсюду тянуло вязким туманом, отчего одежда отсыревала. Несмотря на июль, ветер дул холодный, а вечер готовился смениться ночью.

Извозчик коротко мотнул головой:

– Пару верст всего. Большую часть пути проехали, не бойсь.

От этих слов лицо мужчины прояснилось. Последние дни он только бежал до изнеможения или ехал, прячась от всех, не имея возможности передохнуть. Переходя обширные болота, чуть не утонул в зловонной жиже; комары, словно изголодавшиеся вампиры, кидались на него всякий раз, как он устраивался на непродолжительный ночлег, изводя назойливостью. Кожа невыносимо зудела от их яростных укусов.

Словом, выспаться было невозможно. К тому же, он боялся погони, и потому дикий страх быть снова пойманным гнал его, словно дикое животное, убегающее от безжалост-

ных охотников. Ноги, после долгого перехода через густые леса, гудели до сих пор.

Он наклонился и, нахмурившись, приспустил штанину, чтобы скрыть багровую отметину на щиколотке: постыдный след его собственной глупости и доверчивости.

Солнце уже скрылось за сизыми тучами, касаясь горизонта: еще немного и все вокруг погрузится во мрак.

Извозчик, правя лошадей, переложил вожжи в одну руку, а второй пошарил у себя под ногами и извлек закопченный масляный фонарь, коробок спичек и передал их по очереди попутчику:

– На-ка, зажги, – коротко бросил он. – По памяти еду, но все ж таки лучше с огоньком.

Попутчик не стал возражать, хотя пальцы с трудом слушались его и тряслись. Он сломал несколько спичек прежде, чем смог извлечь крошечный язычок пламени, и за стеклом фонаря замерцал тусклый свет.

Мужчина подождал, пока пламя разгорится и только потом осторожно передал фонарь извозчику, а тот подвесил его на торчащую изогнутую палку, приспособленную для этого.

Между тем стало совсем темно. Если еще недавно стволы деревьев мелькали на фоне фиолетово-красного заката, то теперь и небо, и лес слились в сплошную черноту. Оттуда потихоньку доносились и становились все громче звуки ночи: резкий свист, уханье, стрекотание, шорохи. Иногда совсем рядом трещали ветки за деревьями, будто кто-то огромный

пробирался сквозь чащу, но предпочитал не показываться. В глубине зарослей внезапно вспыхивали блестящие точки и гасли, когда телега со скрипом проезжала мимо.

Игнат что-то напевал себе под нос, подгоняя клячу, которая иногда нервно вскидывала голову, косясь на непроглядную стену леса.

– Непривычно небось? – внезапно подал он голос, посмеиваясь. – Городской что ли?

Попутчик замер, не зная, сердиться ему или благодарить за возможность перебраться словом.

– Устал я, – ответил он хрипло. – Дорога у меня дальняя.

– Ладно, не сердчай, – добродушно произнес извозчик, не поворачиваясь. – Часто тут ваших сюда подвожу. Голодных, злых, оборванных. Ну, да ничего! Теперь по-новому заживешь, коли не сглупишь.

Мужчина прижал еще крепче узелок к груди и ухмыльнулся. Ну уж нет. Не для того он жизнью рисковал и стер ноги в кровь, чтобы где-нибудь попасться. Теперь он будет осторожнее.

– Сам-то, смотри, не болтай лишнего, – он постарался сказать это с улыбкой, но в голосе прозвучало предупреждение. Игнат тихо засмеялся:

– А насчет этого не думай. Не из болтливых я. Мое дело простое – забрать человека и привезти его. Приехали уж!

Впереди в темноте блеснул огонек, а сосны расступились. Лошадь, почуяв жилой дом, вытянула шею и заржала. Туск-

лый свет фонаря осветил высокий частокол и грубые деревянные ворота.

– Открывайте, хозяева! – крикнул во все горло извозчик, и тут же из-за ворот показалась крепкая высокая фигура, поднимая над головой светильник.

– Не ждали мы вас уже, – раздался гулкий бас. Коренастый мужик приблизился к телеге. Его глубоко посаженные глазки из-под нависающих бровей пристально и пытливо посмотрели на прибывших. – Кто таков?

Мужчина, сидевший на мешках понял, что обращаются к нему. Он подхватил свой узелок, спрыгнул с телеги и встал в полный рост:

– Савелием звать. Беглый я.

– Это мне ясно, – перебил его коренастый, вскидывая увесистую дубину на плечо. – А что тебе на том берегу передали?

Савелий нахмурился, вспоминая. Перед глазами промелькнуло лицо человека, доверившего ему тайну, которая объединяла этих людей. Если он ошибется, ему несдобровать. Особым образом он скрестил указательные пальцы рук и плюнул на землю. Жест, по которому его должны узнать.

Коренастый мужик опустил дубину и снова ухмыльнулся: – Ну, заходи. Гостем будешь. А я – Макар!

Ворота со скрипом открылись, пропуская телегу. Кляча, предчувствуя желанный отдых, резво вбежала во двор и замедлилась лишь у навеса, где на привязи стояли две лошади.

Савелий последовал за ней, прищурился и огляделся: пара пристроек, курятник, крытый колодец и низкий бревенчатый дом с двускатной крышей. В окнах плясали тусклые блики, а на одном из подоконников стояла одинокая зажженная свеча.

Дверь дома открылась и на порог вышла маленькая худая женщина в простом платье. Она оглядела прибывших, поправила платок на голове и поздоровалась с ними с какой-то тихой кротостью.

Макар подошел к гостю и хлопнул по плечу:

– Иди в дом, не робей.

Савелий послушался. Дом был скромным, но опрятным и убранным. Хозяйка вынимала из печи и ставила на стол целую горку золотистых блинов, блестящих от масла. Савелий ощутил, как в животе у него заурчало: последнюю краюху хлеба он доел сегодня утром. Женщина приветливо улыбнулась и показала на небольшой чан с водой, где можно было ополоснуть руки.

Игнат уже сидел за столом, принимаясь за блины, да нахваливая хозяйку:

– Ай, Настасья, сколько жил, а таких блинов нигде не пробовал!

Радужная обстановка в доме подкупала. Савелий с удовольствием вымыл руки и лицо, а затем выпил стопку крепкой настойки, поднесенную хозяйкой, вторую и третью, пока не осоловел. После долгой и тяжелой дороги, всех злоклю-

чений, выпавших на его долю, теперь казалось, что все пойдет по-другому.

К ним за стол подсел и Макар, завязался разговор. Вот уже гость пустился в горькие рассуждения о том, как спутался с лихими людьми, которые обманули его и сделали виноватым, отчего он и отправился коротать срок. А потом Савелий воспользовался возможностью бежать с подельником, который указал на тайный гостевой двор.

Судя по всему, двор этот становился убежищем для таких, как он. Здесь можно было переждать какое-то время, а потом идти дальше. Выяснилось, что Макар и Настасья – брат и сестра, которые живут тут давно и помогают тем, кто в этом нуждается.

У Савелия все более теплело на душе. Он еще никогда не встречал таких сердечных и отзывчивых людей, которые по доброте душевной заботились о невинно осужденных или тех, кто испытал на себе тяготы судьбы.

Мужчина плакал, крестился и клялся, что теперь не успокоится, пока не отдаст хозяевам дружеский долг, а Макар хмурил брови и повторял: «Полно тебе! Все под Богом ходим».

Казалось, что блины никогда не закончатся, как и другие блюда, что появлялись на столе. Крепкая настойка лилась рекой, заглушая все неприятные мысли. Мужики громко смеялись, ели и пили вдоволь, а потом Савелий почти ничего не помнил.

Наконец, проваливаясь в темноту, гость не без помощи хозяина, добрел в свою комнатку, где упал на приготовленную постель и заснул мертвецким сном.

Проснулся Савелий на рассвете.

Сквозь сон ему показалось, что кто-то истошно, прямо душераздирающе закричал вдалеке. Это неприятно поразило его. Он вздрогнул и прислушался, ожидая, что вопль повторится, но этого не случилось. Видно, так подействовали на него сильные душевные переживания, что ему до сих пор чудилось что-то страшное.

Мужчина широко открыл глаза.

Солнечные лучи лились сквозь маленькое окошко. Это успокаивало и дарило надежду. К удивлению, голова совсем не болела, хотя он смутно припоминал, что выпил много настойки накануне. Он обвел взглядом комнатку, в которой кроме лежанки в углу, да грубо сколоченного табурета ничего не было.

Правда мужчина также понял, что он теперь не один.

На табурете, сложив тоненькие ручки перед собой, сидела маленькая девочка. На ней был зеленый сарафан и льняная рубаха, а длинная коса спускалась до самого пола. Савелия поразило не то, как тут очутилась эта пигалица, а то, каким бледным оказалось ее лицо. Большие голубые глаза смотрели на гостя с любопытством.

– Ты кто? – спросил он.

Девочка откинула русую косу за спину и звонким голоском ответила:

– Аленкой звать.

– Ты чья такая красивая?

Она приняла важный вид:

– Мамкина я.

– А, так ты хозяйкина дочка? – догадался Савелий. – Сколько ж тебе годков?

Аленка растопырила пальцы.

– Ага, значит, шесть. И давно вы тут живете?

Девочка пожала плечами.

– Тятя помер три зимы назад, а мы тут остались, а с нами и дядька Макар.

Савелий тут же вспомнил здоровенного мужика, встретившего его у ворот, с которым он пил этой ночью.

– У тебя лицо доброе, – неожиданно сказала девочка. – Наверное, ты хороший.

Голубые глаза смотрели так доверчиво и открыто, что он смутился и поскорее встал с постели:

– Спасибо. Ну, пойдем. Покажешь, что к чему.

Выйдя во двор, Савелий не увидел знакомой телеги. Должно быть, Игнат выполнил поручение, и теперь уехал. Под навесом по-прежнему стояли две лошади и медленно жевали траву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.